

Сумарокова Л.Н.

О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Обсуждение философских оснований методологии системных исследований стало одной из традиций Уёмовских чтений. Представляется интересным сопоставление системного подхода с классической, неклассической и постклассической философией (В.И. Фалько); с диалектическим материализмом и диалектикой; с дескриптивными и деятельностными (в т.ч. «ревизирующими») системами метафизики (К.В. Райхерт); с античными учениями (Е.Ю. Погонченкова, С.Г. Воробьев) [1, с.49, 73, 102, 184]. П.В. Кретов обратил внимание на связь смыслового поля современных холистических методологий с «проблемным полем философской антропологии» [1, с.229-231].

Моей задачей является продолжение анализа преемственности некоторых ключевых характеристик античной философии и философского фундамента общей теории систем в том ее варианте, который разработан А.И. Уёмовым. При этом следует отметить, что важен не только сам факт такой преемственности, но и его значимость для оценки теперешнего состояния и перспектив дальнейшего развития системных исследований.

К числу фундаментальных характеристик античной философии можно отнести признание приоритета Единого над множественным, общего над единичным, тождества над инаковостью и над различиями, необходимого над случайным, очевидности дедуктивного доказательства над очевидностью чувственного опыта. С.С. Аверинцев обобщил эти черты всего античного мировоззрения с помощью термина «дедуктивный рационализм» [2, с.10]. Это был опыт формализованного профессионального философского мышления, сознательно противопоставляемого обыденному, житейскому опыту и традициям. Первым уровнем формализации, который знаменует собой переход к научному мышлению, становится работа с терминологией – построение определений, классификаций, каталогизаций.

Античный рационализм – первая форма европейского рационализма, которая отличается от новоевропейского и современного рационализма тем, что дефинирование и классифицирование здесь «не просто служебный, подчиненный момент работы мысли, но одновременно и ее цель: прояснение «сущностей» в их статичном тождестве себе» [2, с.7].

В качестве другой, производной, но очень важной особенности античной философии отмечу ту ее черту, которую условно можно назвать античным «синкретизмом» или, может быть, «холизмом». Античный «синкретизм» – особая стадия развития философского мышления, когда онтологический, гносеологический, аксиологический, языковой (семиотический) аспекты уже различались, но еще не были отделены друг от друга и не стали предметами изучения отдельных разделов (или течений) философии. Дальнейшее варьирование акцентов философского внимания происходит как серия «поворотов» в последующей истории философии («методологический», «гносеологический», «аксиологический», «логический», «языковой», «практический» и т.п.). Античное мировоззрение именно с помощью своего дедуктивного рационализма еще сохраняло целостный взгляд на мир как космос и на философию как знание о нем. У Аристотеля проявлением целостности мира является иерархичность как способ упорядоченности форм по степени общности и совершенства.

Античный «синкретизм» в логике Аристотеля выступает как возможность понимать выражения: «нечто присуще чему-то», «нечто сказывается о чем-то», «нечто чему-то приписывается», «нечто утверждается или отрицается относительно чего-то» – дифференцированно, различая онтологический, гносеологический (мыслительный) и речевой аспекты, однако при этом не сомневаясь, что все они подобны и относятся к чему-то единому, сосуществуют в этом едином. Главная задача философии – видеть единое во

множественном, понимать, что общее и тождественное более ценно именно в силу большей причастности к единому.

Внимание к различиям, к единичному, индивидуальному, случайному, к недедуктивным методам познания, к внерациональному в последующем философском осмыслении мира было совершенно закономерным. Одним из результатов этого внимания явились установка на методологический плюрализм, субъективизм и усиление влияния скептицизма и нигилизма в философии. Все это, в конечном счете, вело к деструктивным процессам в мировоззрении и в осмыслении многочисленных практик, составляющих жизнь общества. Маятник развития самосознания общества неизбежно должен был начать движение в обратном направлении и вернуться к античному тезису «единое во многом». Однако вернуться не к его повторению, а к переосмысленному варианту этого тезиса, предполагающему взаимодействие сторон этого отношения, их изменчивость, отказ от поисков застывших, самотождественных, неизменных идеальных сущностей, воплощающих Бытие как Единое. Но возврат должен был быть в достаточной мере подготовлен: без накопления результатов применения локальных, «элементаристских», обобщающих и дифференцирующих методов он был бы невозможен.

Появление именно в XX веке системного движения, других форм холистической методологии было далеко не случайно. Системный подход, разработанный А.И. Уемовым, не был здесь исключением. В параметрической теории систем мы видим знакомые черты «дедуктивного рационализма» античности, и, в частности, внимание к дефинитивным и классификационным процедурам, а также наличие «античного синкретизма», о которых шла речь выше. Изложение своего варианта системного подхода А.И. Уемов начинает с анализа различных определений понятия «система», с построения своего определения, вернее, с признания факта двойственности определений системы, методологически весьма важного, с точки зрения автора [3, с.103-130]. Затем происходит введение понятия системных параметров как оснований классификации систем [3, с.141-176]. И, наконец, ставится проблема поиска теоретического и эмпирического путей обнаружения системных закономерностей [3, с.177-198]. Определение системы, и, тем самым, формализация процесса построения системной модели – необходимый начальный пункт построения общей теории систем, которая должна включать в себя как теоретический блок (дефиниция, классификация и параметрическое описание систем), так и деятельностный блок (методы построения, преобразования системных моделей объекта, аналитические и синтезирующие, обобщающие и конкретизирующие, сопоставительные процедуры, производимые над системными моделями с опорой на системные закономерности). Обоим этим блокам предшествует выбор философских оснований системного подхода, которые обозначены А.И. Уемовым как диалектика – в ее общем, конструктивном понимании, сложившемся в философии к XX веку.

О целостности системы говорят все теоретики системных исследований, однако только в концепции А.И. Уеова раскрывается механизм этой целостности – наличие иерархии трех уровней в любой системе и в любой системной модели объекта: первый уровень – уровень концепта (системообразующего свойства или отношения), второй – уровень структуры, подчиненный первому (он «подбирается», он должен «соответствовать»), и третий – уровень субстрата – то множество элементов, которое удовлетворяет структуре, непосредственно реализует ее, и тем самым, опосредованно «соответствует», «подчиняется» концепту. Эта иерархичность распространяется на онтологический, гносеологический и аксиологический аспекты модели объекта как системы. Понимание этого отражено в принципах универсальности, относительности и многообразия, принятых в параметрической общей теории систем на ее метауровне [3, с.131-134]. Сами эти принципы дают основание утверждать, что было бы неверно отождествлять трактовку иерархичности в античной и современной философии. Наверху иерархии в системной модели объекта не ищутся какие-то абсолютные сущности «в их статичном тождестве себе»; напротив, концепты, относительно которых объект может быть системой, разнообразны,

подвижны и их выбор часто определяется жизненными мирами, ситуациями, характером решаемых теоретических и практических задач, шкалой принятия в социуме ценностей, целей, приоритетов. Альтернативные варианты концептов существуют исключительно в антропологическом измерении Бытия (Космоса).

Аналогично обстоит дело и с такой характеристикой, как античный «синкретизм». К тому, что сказано выше о сосуществовании и единстве онтологического, гносеологического и аксиологического аспектов системных моделей, можно добавить то, что касается языка системного представления объектов (ЯТО). Формула ЯТО обозначает и структуру реальной ситуации, и структуру мысли о ней, и структуру «знака-текста», выражающего данную мысль. Выражения: «предмету приписывается свойство», «предмет характеризуется свойством», «предмет обладает свойством», «предмету присуще свойство» – и, соответственно, выражения: «отношение реализуется в вещи», «отношение существует в вещи», «отношение устанавливается в вещи», – конечно же, различаются по смыслу, но первая группа выражений может быть объединена категорией свойства, а вторая – категорией отношения, в каких бы аспектах мы их ни рассматривали. В отличие от античного «синкретизма» здесь появляется новый аспект формул языка логики: они выражают взаимность отношения. «Вещь обладает свойством», но и «свойство присуще вещи»; «отношение реализуется в вещи», но и «вещь реализует отношение» – эта взаимность передается различием соответствующих формул.

Как отмеченное сходство и различие между античным и современным пониманием целостности сказываются на оценке современных системных исследований и их дальнейших перспектив?

Представляется, что «дедуктивный рационализм» античности должен быть здесь радикально преобразован в новую форму рациональности, где принципы системного подхода: универсальности, относительности, многообразия, взаимности и др. – найдут свое более последовательное применение. В частности, дедуктивизм должен быть заменен более широким диапазоном возможностей вывода, а аналитические процедуры построения и изучения систем должны быть дополнены процедурами синтеза системных моделей, процедурами оценки совместимости, оценки возможности сосуществования и коэволюции систем и их моделей. Отдельная проблема: соотношение эксплицитно заданных, фиксированных отношений, свойств и элементов в реальном объекте с остальными отношениями, свойствами и элементами (их совместимость, релевантность, иерархичность, степень конфликтности и т.д.). Заслуживает внимания проблема выявления аксиологического измерения трехуровневой модели объекта как системы, а также проблема возможности встраивания системной методологии в праксеологическую парадигму философского осмысления мира. Античный принцип «Единое во многом» должен быть понят как отношение «взаимное», то есть двустороннее и служащее сохранению и гармонизации целого.

Список литературы:

1. Уёмовские чтения I-IV (2013-2016): материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова. / Философский факультет ОНУ им. И.И. Мечникова. – Одесса: Печатный дом, 2016. – 310 с.
2. Аверинцев С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма. / С.С. Аверинцев // Античная поэтика. – М.: Наука, 1991. – С. 3-26.
3. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. / А.И. Уёмов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.